

5. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далее – ДАГрВ). Betrifft: Gleichstellung des Bialystok mit eingegliederten Ostgebieten. Berlin. 30.09.1941. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 300.
6. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа “Белоруссия” (Минск, 8-10 апреля 1943 года) / авторы-сост. С.В. Жумарь, С.Е. Новиков, Р.А. Черноглазова. – Мн., – 2006. – 219 с.
7. ДАГрВ. Beschäftigung von Lehrern der öffentlichen Schulen in der Reichsfinanzverwaltung, Bericht vom 14. Juli 1941. – Ф. 5. – Воп. 1. – Спр. 14.
8. ДАГрВ. – Ф. 8. – Воп. 1. – Спр. 5.
9. НАРБ. Rundschreiben Nr.5. 18.05.1942. – Ф.374. – Воп.1. – Спр.2.
10. ДАГрВ. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 376.
11. ДАГрВ. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 125.
12. ДАГрВ. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 125.
13. ДАГрВ. – Ф. 5. – Воп. 1. – Спр. 81.
14. ДАГрВ. – Ф. 5. – Воп. 1. – Спр. 81.
15. ДАГрВ. – Ф. 5. – Воп. 1. – Спр. 110.
16. ДАГрВ. – Ф. 5. – Воп. 1. – Спр. 32.
17. ДАГрВ. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 565.
18. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 2087. – Воп. 2. – Спр.1.

Гребень Е.А.

СУДЕБНЫЕ ИСКИ КАК СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИТЕБСКОГО МИРОВОГО СУДА)

В период нацистской оккупации гражданское население использовало различные стратегии выживания, одной из которых являлось обращение в суд. Данную стратегию выживания можно проиллюстрировать на примере материалов Витебского мирового суда.

Мировой суд г. Витебска был организован 1.11.1941 г., руководствовался постановлением командующего тыловой зоной группы армий «Центр» от 19.11.1941 г. «О порядке производства в Мировых судах». Компетенции суда подлежали все имущественные споры, дела о владении, собственности, дела, связанные с наследственным правом и дела о расторжении браков, дела об опеке над малолетними и над бесхозным имуществом. Решения суда выносились на основании здравого смысла и тех советских законов, которые не противоречили нацистской идеологии. Изначально суд рассматривал мелкие уголовные дела, возникавшие в порядке частного обвинения, и обладал правом наложения взыскания в виде ареста до 14 дней или штрафа до 1000 руб. С июля 1943 г. штандортскомендатура поручила суду более сложные уголовные дела, такие как хулиганство, кражи, клевета, нанесение телесных повреждений, должностные преступления и предоставила право налагать взыскание в виде более длительных сроков заключения и штрафа до 4000 руб. Суд обслуживал 40-тысячное население города и жителей прилегающих районов (в довоенном Витебске на 170000 жителей функционировало 11 отделений народного суда и специальные суды). За два года работы суд рассмотрел 1952 гражданских дела, 174 опекунских и 327 уголовных, всего 2453 дела. Мировой суд заседал в составе председателя (профессионального юриста) и двух присяжных заседателей. В распоряжении суда имелось 107 присяжных заседателей, из которых 41 чел. имел высшее образование и 66–среднее. Заседатели должны были быть не моложе 30-ти лет и проживать в Витебске не менее 2-х лет. При суде с 7.11.1941 г. работала юридическая консультация, 4 адвоката которой оказывали консультации гражданам по вопросам гражданского, уголовного и административного права и при необходимости могли выступать на судебных процессах [1, л. 1–3].

В судебных исках отражен жилищный вопрос, исключительно остро стоявший в городе в период оккупации, поэтому исключительно часто в суд поступали иски

граждан об установлении права собственности на недвижимость. Подобный иск рассматривался на заседании суда 28.11.1941 г. Обратившиеся в суд брат и сестра, вступили в 1937 г. во владение в равных частях домом, оставшимся после смерти матери, платили земельную ренту и налог на недвижимость, но не оформили вступление во владение наследством в судебном порядке. Иск был удовлетворен [2, л. 1, 1 об.]. В декабре 1941 г. мировой суд поступило заявление гражданки, которая просила признать за ней и ее детьми право собственности на половину дома с надворными постройками оценочной стоимостью 6113 руб., которые ранее числились в собственности ее мужа (был арестован НКВД в 1937 г., и судьба его была не известна). Дом формально не имел владельца, но истица вносила за него необходимые платежи. В качестве доказательства были представлены копия свидетельства о браке, копия протокола обыска, произведенного НКВД в 1937 г., платежные документы по налогам на строения и земельной ренте. На заседании 20.12.1941 г. суд постановил, что до рассмотрения вопроса о праве собственности сначала должна быть установлена опека над ней, поскольку имеются малолетние дети бывшего владельца. Следующие заседания 15.01.1942 г. и 5.02.1942 г. закончились безрезультатно из-за не вручения повесток и неявки свидетелей со стороны истицы. В итоге 22.02.1942 г. спорная недвижимость была уничтожена в результате попадания авиабомбы, и суд, на основании заявления истицы на заседании 11.03.1942 г. постановил дело прекратить [3, л. 1–21]. В декабре 1942 г. гражданка обратилась в суд с иском о разделе дома со своим бывшим супругом, который иск признал и на раздел имущества согласился, о чем было вынесено соответствующее судебное решение. Городская управа отменила решение и вернула суда дело, мотивируя тем, что на рассмотрении отсутствовал представитель жилищной конторы, а также не были предоставлены документы, удостоверяющие право собственности ответчика на дом. На три последующих заседания стороны не явились, и исход дела не известен [4, л. 4–6, 12, 16 17, 22].

Если в довоенное время не существовала угроза отчуждения унаследованного имущества, то в условиях дефицита жилья в годы оккупации она была более чем реальна, вынуждая граждан узаконивать факт владения собственностью. В январе 1942 г. в суд поступило заявление гражданина, ходатайствовавшего о признании за права собственности на дом, купленный в 1936 г., документы на который были утрачены во время пожара. Истец ссылаясь на свидетельские показания трех граждан. Суд утвердил гражданина в праве собственности [5, л. 1, 17, 17 об.]. В декабре 1942 г. в суд обратились супруги, которые в 1940 г. построили дом, но не оформили на него право собственности. На основании показания свидетеля суд признал право собственности [6, л. 15, 15 об.].

Порой граждане требовали признания права собственности на не принадлежавшую им недвижимость. В ходе рассмотрения иска 25.11.1941 г. гражданина относительно права собственности на отцовский дом суд установил, что еще в 1937 г. отец истца продал половину дома, что подтверждают документы городского финансового отдела, следовательно, претензии истца на весь дом необоснованны [2, л. 20, 20 об.]. В апреле 1942 г. в суд поступило заявление гражданина, который сообщал, что в 1931 г. им был куплен дом, который с 1934 г. сдавал в аренду жителю Витебска, еврею по национальности, который был отправлен в гетто (или погиб или эвакуировался), и в настоящее время в доме поселились погорельцы (коллаборационная администрация часто решала жилищную проблему за счет домов евреев – Е.Г.). Заявитель просил признать его право собственности на дом, в подтверждение чего просил вызвать в качестве свидетелей четырех граждан, и предоставил копию нотариального договора о покупке дома в 1931 г. На первом

судебном заседании члены суда отметили факт долговременного проживания в доме другого гражданина и заподозрили, что дом мог быть ему продан, а бывший владелец решил воспользоваться ситуацией и попытаться вернуть себе дом, поэтому дело было отложено, а суд направил запрос нотариусу на предмет выяснения, имеются ли документы о продаже дома. Нотариальная контора сообщила суду, что в ее архиве документов о продаже дома арендатору не имеется, однако выяснилось, что в домовой книге есть запись об указанном истцом арендаторе-еврее как о домовладельце, поэтому на повторном заседании суда 16.06.1942 г. иск отклонило [7, л. 1, 1 об., 4, 17–19, 27–28]. Интересно также решение Витебского мирового суда от 3.09.1942 г. Истец потребовал признать право собственности на занимаемый дом. Ссылаясь на показания двух свидетелей, он утверждал, что дом был куплен им до войны, а документы, подтверждающие право собственности, были уничтожены во время пожара в июле 1941 г. Представитель жилищной конторы городской управы утверждал, что спорный дом принадлежал еврею, у которого истец его арендовал, и по решению суда от 16.02.1942 г. с него взыскана квартплата за ноябрь и декабрь 1941 г. Не обладая правом собственности, истец продал дом другому гражданину, но мировой суд 29.07.1942 г. аннулировал не законную сделку. Истец вновь подал иск о признании права собственности. Суд счел показания свидетелей голословными, иск бездоказательным и не добросовестным. Юридический отдел городской управы утвердил решение суда [8, л. 16, 17].

В 1943 г. на протяжении нескольких месяцев разбиралась тяжба матери и дочери относительно права владения домом (принадлежал на правах общей собственности). Истица жаловалась на зятя (или сожителя дочери?), который, якобы, выгоняет ее из дому. При рассмотрении иска суд удовлетворил ходатайство о допущении к участию в процессе адвоката на стороне истицы. В этой ситуации суд предписал отделу городского хозяйства произвести осмотр дома для определения возможности его раздела, и проект раздела представить в суд. Отдел городского хозяйства представил в суд план дома, сообщив, что, ввиду малой полезной площади считает раздел дома не целесообразным. По причине неявки сторон результаты тяжбы не известны [9, л. 1, 1 об., 9–16, 18, 20, 23].

Проявлением жилищной проблемы являлись споры об арендной плате и праве аренды жилплощади. В декабре 1941 г. гражданка подала в суд заявление просьбой взыскать в ее пользу 425 руб. долга по квартирной плате, поскольку ее квартирант, проживавший в доме с довоенного времени, начиная с 1.07.1941 г. квартплату вносить отказывался. Суд удовлетворил иск частично, приговорив ответчика к выплате в пользу истицы 189 руб. долга по квартплате, посчитав, что заявленная ей сумма иска противоречит распоряжению городской управы относительно ставок арендной платы [10, л. 1–13]. В апреле 1942 г. гражданин ходатайствовал о выселении квартирантки, которая не платила квартплату с 10.07.1941 г. Уже мае месяце истец ходатайствовал о прекращении дела; очевидно, стороны самостоятельно урегулировали конфликтную ситуацию [11, л. 1, 2, 8, 14].

В ноябре 1941 г. жилищный отдел ходатайствовал перед судом о рассмотрении в ускоренном порядке дела по обвинению гражданки в самовольном вселении в квартиру, которую прежняя нанимательница перед своим выездом за денежное вознаграждение незаконно ей передала [12, л. 9]. Не типичная конфликтная ситуация рассматривалась мировым судом 1.07.1942 г. В суд обратился гражданин, который, совместно с другим витебчанином, взял в аренду у жилищного отдела дом на Сенной площади с обязательством произвести в нем капитальный ремонт стоимостью 3000 руб. В доме проживала сотрудница 4-ой жилищной конторы, которой предлагалась в замен

3-комнатная квартира, однако, ответчица не соглашалась переселяться, пока не будет снят урожай на приусадебном участке. Суд счел иск обоснованным [2, л. 14].

Иск мог касаться недвижимости, поврежденной или уничтоженной пожаром. Очевидно, что владельцы стремились сохранить за собой участок, чтобы впоследствии попытаться восстановить дома. Так, 26.11.1941 г. суд признал право собственности гражданина на остатки постройки двухэтажного дома по Нижнебережной улице, сгоревшего в результате пожара 9–10 июля 1941 г., когда шли бои за Витебск [2, л. 31]. Жилищная проблема стояла настолько остро, что предметом спора могла являться абсолютно любая постройка. В другом случае был отклонен иск двух гражданок о признании права собственности на баню, стоявшую во дворе сгоревшего дома. Поскольку до войны баня принадлежала Витебскому щетинному комбинату, бургомистр в порядке кассационного надзора изменил решение суда от 7.08.1942 г., разрешив истице проживать в бане и далее, считая ее коммунальной собственностью [8, л. 18].

Иски о недвижимости поступали столь часто, что в их рассмотрение оказывались втянутыми различные подразделения Витебской городской управы. Жилищный отдел попросил суд предоставить копии судебных решений относительно исков на жилье и делать так впредь, чтобы жилотдел высылал своего представителя на судебные заседания [8, л. 5]. Копии решения суда передавались жилищному отделу [2, л. 24, 30]. По каждому району в отдельности были составлены списки неотчуждаемого недвижимого имущества, находившегося под опекой граждан, продажа которого была запрещена без разрешения мирового суда. Информация была доведена до жилищного отдела управы, что давало возможность избегать конфликтных ситуаций в будущем [2, л. 2, 2 об., 7; 12, л. 1, 3, 6, 16, 17, 21–25]. Отдел городского хозяйства по запросу суда мог предоставлять план раздела недвижимого имущества [12, л. 4].

Помимо недвижимости предметом споров граждан становилось любое другое имущество. Осенью 1941 г. в суд поступило исковое заявление гражданки, которая утверждала, что обнаружила пропажу из квартиры вещей. Случайно обнаружив украденные туфли в починке у сапожника, истица выяснила имя похитительницы и подала иск на сумму 1320 руб. В результате произведенного полицией обыска украденные предметы были обнаружены у подозреваемой. На судебном заседании 16.12.1941 г. было принято решение прекратить рассмотрение дела по причине криминального характера, и передать его начальнику криминального отдела полиции. Криминальный отдел 13.01.1942 г. сообщил мировому суду, что виновность подозреваемой установлена, и материалы следствия переданы в фельджандармерию, а 16.01.1942 г. заместитель бургомистра сообщил суду, что виновная наказана 14-дневным арестом. В то же время, истица была в праве добиваться возмещения ущерба, поэтому 4.03.1942 г. состоялось еще одно заседание суда, который постановил вернуть ей украденные вещи [13, л. 1 об., 3, 20–22, 42–43]. Осенью 1943 г. в судебном производстве находился спор двух витебчан о признании права собственности на сапоги, которые, якобы, один из них утерял, о чем подал заявление в уголовный розыск [14, л. 1–3].

В апреле 1942 г. суд рассмотрел иск гражданки о признании права собственности на корову, которую незадолго до этого по требованию коменданта жилищного отдела пришлось сдать на бойню, где корова на глазах хозяйки была зарезана. Принадлежность коровы истице была установлена на основании показания свидетелей. Суд сообщил бургомистра об ошибочном изъятии коровы и рекомендовал предоставить ей другую корову, принимая во внимание также тот факт, что муж истицы был репрессирован НКВД [15, л. 1]. В то же время не все иски оканчивались

подобным образом. В документах мирового суда содержатся списки граждан, чьи иски о признании права собственности на коров были отклонены (хотя таких истцов было значительное количество—Е.Г.) [2, л. 13; 15, л. 25; 8, л. 6].

В июле 1943 г. супруга прежнего бургомистра Витебска Брандта подала в мировой суд прошение о признании ее права на часть за ней и ее детьми право собственности на 1/3 урожая ржи, посеянной на арендованном у городской управы наделе земли ее супругом, отцом и братом в равных долях. На земельный надел претендовал чугунолитейный завод, представителя которого истица просила вызвать в суд, и ходатайствовала об освобождении от уплаты судебных пошлин. В суд были представлены: арендный договор между указанными в прошении гражданами и отделом городского хозяйства городской управы, а также аналогичный договор между гражданином и чугунолитейным заводом [16, л. 1, 5, 5 об., 7, 8, 11–14, 18–21].

Предметом судебного разбирательства становились также дела об опеке над имуществом. В декабре 1941 г. в суд поступило заявление гражданина, просившего назначить его опекуном над имуществом племянницы, уехавшей из Витебска до начала оккупации, и судьба которой в настоящее время была не известна. Имущество состояло из двух домов и движимого имущества. В домах вскоре поселились граждане, которые препятствовали заявителю в доступе к имуществу, поэтому он просил суд обязать городскую полицию предоставить копию движимого имущества и назначить его опекуном имущества. Суд затребовал от полиции документы об имуществе, на что полиция сообщила, что какие-либо документы отсутствуют, за исключением акта на изъятие бесхозного велосипеда. Претензии истца 9.01.1942 г. судом были признаны обоснованными, и он был назначен опекуном имущества племянницы, получив соответствующее свидетельство. Тем не менее, 4.02.1942 г. гражданин вновь подал заявление в суд, жалуясь на жилищное управление, которое попыталось взимать квартплату с жильцов домов, как и ранее, на что мировой суд уведомил уполномоченного 8-й районной жилищной конторы, что гражданин, как опекун, до возвращения законной владелицы вправе получать арендную плату и несет все расходы на содержание домов, отчитываясь в этом перед судом [17, л. 1, 4, 6, 8, 8 об., 13–15]. В одном из аналогичных случаев жилищный отдел сообщил мировому суду, что передача обозначенных в исковом заявлении гражданина вещей ему на временное хранение не целесообразна, поскольку часть этих вещей явно не принадлежала выбывшему родственнику истца (на вещах имелись инвентарные номера театра, больницы и других государственных учреждений) и, очевидно, вещи были награвлены, как и другие предметы, которые могли принадлежать покинувшему город беженцам [2, л. 26].

В ходе имущественных споров мировой судья издавал постановление о наложении ареста на спорное имущество и предписывал судебному исполнителю произвести его опись и составить соответствующий акт в двух экземплярах, один из которых передавался в суд, а другой вручался гражданину, в чьем пользовании находилось спорное имущество, который становилось ответственным за его хранение. Отчуждение имущества до вердикта суда запрещалось [1, л. 11, 13, 28, 42].

В суде рассматривались дела об алиментах и семейные конфликты. Обратившаяся 5.12.1941 г. в суд гражданка, требовавшая возобновления выплаты ей алиментов за малолетнюю дочь 1935 г.р. Ответчик по данному иску, на основании решения народного суда, до 1941 г. выплачивал алименты, с началом оккупации перестал платить, украв, по мнению истицы, исполнительный лист из правления колхоза. Председатель общины Васюты Селютской волости Витебского района (бывший колхоза «Победа») содействия гражданке не оказал, после чего она апеллировала к суду, ссылаясь, в подтверждение своей правоты, на свидетельские показания и свидетельство о рождении дочери, в котором ответчик числился отцом

ребенка. Ответчик признал факт присуждения советским судом алиментов, но отказался признавать факт своего отцовства. На состоявшемся 22.12.1941 г. заседании мирового суда было принято решение обязать ответчика ежемесячно выплачивать алименты на содержание дочери в размере 4 кг. ржаной муки, 8 кг. и 30 руб. [18, л. 1, 1 об., 9, 9 об.]. В аналогичном случае гражданке подала иск на бывшего супруга, который с 1937 г. выплачивал в качестве алиментов на содержание двух детей 1/3 ежемесячного заработка, но с началом оккупации платить перестал. Решением мирового суда от 9.06.1942 г. истец обязывался выплачивать, начиная с марта 1942 г. и до достижения детьми 14-летнего возраста, алименты в размере 3 кг. хлеба на каждого ребенка и 5 марок. В сентябре 1942 г. гражданка подала в суд заявление о пересмотре формы выплаты алиментов, поскольку для служащих (коим являлся ответчик) хлеб для иждивенцев выдавать прекратили [19, л. 3, 3 об., 11, 11 об., 12, 16]. В октябре 1943 г. в суд обратилась гражданка, заявившая, что ее муж систематически избивает ее на почве ревности. Ранее она подала заявление в полицию, которая взяла с мужа подписку о том, что он обязуется больше не избивать жену, но избиения продолжились. В качестве доказательства была представлена справка из Центральной амбулатории. В результате ответчик был присужден к 10-дневному тюремному заключению [20, л. 2, 4, 8, 8 об., 9].

Исковые заявления иллюстрируют мораль отдельных граждан. Например, 12.12.1941 г. в суд поступило исковое заявление гражданки к свекрови, в котором указывалось, что последняя не отдает истице вещи ее мужа (в основном перечислялись предметы мужского гардероба), необходимые для содержания малолетнего ребенка. Истица также указывала, что ее, беременную, свекровь выгнала из дома. Из материалов судебного процесса явствует, что одно время истица и ответчица проживали в одном доме, но после пожара ответчица ушла жить на другую квартиру, забрав часть вещей истицы, часть из которых была обменена на продукты. На втором заседании иск был удовлетворен частично; суд принял во внимание, что часть спорных вещей была приобретена сыном ответчицы до заключения брака [21, л. 1–3, 9–18, 26–31]. В другом случае на оставшееся после смерти гражданина недвижимое имущество претендовали одновременно супруга и его приемная дочь. К делу были приобщены документы, подтверждавшие смерть гражданина и свидетельство о браке, заслушаны показания сторон и свидетелей; судебному исполнителю было поручено составить опись имущества. Суд 10.07.1942 г. вынес вердикт в пользу супруги [22, л. 1–36].

Иногда граждане могли обращаться не напрямую в суд, а в полицию, откуда раскрытые уголовные дела перенаправлялись в суд для избрания меры наказания. В октябре 1942 г. в полицию поступило заявление гражданина о краже у него сала путем проникновения в дом. Сотрудник уголовного розыска использовал собаку-ищейку, которая привела в дома, расположенные на той же Суражской улице, в которых в ходе обыска было обнаружено ворованное сало в количестве 12 кг., сданное под расписку владельцу, преступники были задержаны. В обвинительном заключении констатировалось, что дело подлежит рассмотрению в мировом суде. Несмотря на ходатайство перед СД, обвиняемые из тюрьмы на судебное заседание не были доставлены, суд был перенесен, дальнейший исход дела не известен [23, л. 4–7, 18, 21, 23, 23 об.]. В июле 1943 г. следователь полиции рассмотрел уголовное дело по обвинению граждан в краже овечьей шерсти со склада веревочной артели. Один из соучастников скрылся, двое других были заключены в городскую тюрьму. По итогам обвинительного заключения полиции юридический подотдел городской управы направил материалы в суд для рассмотрения дела по существу. Мировой суд принял дело в производство, назначил дату заседания и ходатайствовал перед начальником полиции о доставке обвиняемых 16.08.1943 г. в зал заседания. Виновные были приговорены к 14-дневному тюремному заключению [24, л. 15–17, 21–24 об.]. В

августе 1943 г. на имя начальника уголовного отдела полиции поступило заявление гражданки о краже из квартиры вещей. После установления полицией виновного (им оказался гражданин, ранее уже наказанный бургомистром за кражу), дело было передано в суд, который 2.09.1943 г. приговорил его к 14-дневному заключению [25, л. 10, 10 об., 13, 17, 27, 27 об.].

Порой судопроизводство велось продолжительное время, заседания могли откладываться по разным причинам (затребование дополнительных доказательств, свидетелей, неявка кого-либо из сторон), что вызывало раздражение истцов. Юридический отдел, в ответ на жалобу гражданки (ее дом был разобран германской армией на дрова, взамен чего был предоставлен другой, который прежний жилец не спешил освободить), 5.09.1942 г. потребовал от мирового суда провести заседание по ее иску вне очереди, даже если ответчик не явится в суд [2, л. 18]. В некоторых случаях не довольные вынесенным вердиктом истцы пользовались возможностью обжаловать решение суда. Юридический отдел проверял правомерность вынесенного судом решения и утверждал или отклонял его. Например, юридический отдел 1.08.1942 г. сообщил мировому суду, что судебное решение от 23.07.1942 г. относительно отклонения иска о выселении ряда жильцов из квартиры является правильным, поскольку договор аренды ответчиками не был нарушен [2, л. 6].

Таким образом, в суровых условиях оккупационной повседневности для многих граждан одной из стратегий выживания стало апеллирование к суду как к последней инстанции, способной эффективно решить спорную ситуацию. Материалы судебных дел иллюстрируют глубину социальных проблем, а также мораль граждан, пытавшихся выжить любой ценой.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 486.
2. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 487.
3. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 511.
4. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 496.
5. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 506.
6. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 495.
7. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 497.
8. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 485.
9. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 505.
10. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 514.
11. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 503.
12. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 488.
13. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 499.
14. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 500.
15. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 489.
16. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 494.
17. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 498.
18. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 518.
19. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 510.
20. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 501.
21. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 509.
22. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 513.
23. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 504.
24. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 492.
25. ГАВО. – Ф. 2073. – Оп. 8. – Д. 512.